

ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 796+316.61

*М.А. Богданова***АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ СМЫСЛ ГАБИТУСА СПОРТСМЕНА
(СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ)**

Затрагиваются вопросы, связанные с выявлением телесных детерминант, организующих особым образом сознание и деятельность спортсмена. Спортсмен организует свой жизненный мир в соответствии с параметрами собственной телесности. Автор в своих размышлениях опирается на новейший исследовательский инструментарий, выработанный в рамках западной социологии, философии и педагогики.

Ключевые слова: габитус; Пьер Бурдьё; схемы тела; Моррис Мерло-Понти; этнодвигательность.

Сегодня авторы, пишущие о спорте, переходят от идеологических оценок спорта к его антропологическому и культурологическому осмыслению. Понять спорт – это, по-нашему мнению, выявить и описать, во-первых, те отношения, которые у него складываются с культурой, а во-вторых, раскрыть созидающие интенции спорта в плане его взаимоотношения с человеком в единстве его духовного и телесного измерения.

Современный французский социолог Пьер Бурдьё известен своим пренебрежением к междисциплинарному делению, которое, по его мнению, накладывает ограничения как на предмет рассмотрения, так и на применяемые методы. В его исследованиях сочетаются подходы и приемы из области антропологии, истории, лингвистики, политических наук, философии, эстетики, которые он плодотворно применяет к изучению различного рода социальных феноменов, в том числе и феномена «спорт».

Для целей нашего исследования представляет интерес его понятие «габитус». Следует отметить, что данное понятие не было изобретено П. Бурдьё; термин «габитус» использовали в своих работах М. Мосс и Н. Элиас. Гораздо раньше его можно обнаружить в работах Аристотеля, посвященных физиогномике, и в работах Лейбница в аспекте исследования проблемы свободы.

Тем не менее именно П. Бурдьё разрабатывает и представляет его в такой форме, в которой он используется в современной социологической и философской науке. Для целей нашего исследования габитус представляется, как его истолковывает П. Бурдьё, весьма полезным и эвристически нагруженным в понимании природы телесного движения спортсмена.

Таким образом, в качестве рабочего понятия мы принимаем следующее определение габитуса. Это сумма индивидуальных телесных навыков – походка, жестикация, манеры, которые являются отражением того, как происходит кристаллизация усвоенного личного опыта конкретного человека в «глубине» его телесного сознания. Порождение габитуса связывается с социальной и природной средой путем их интериоризации человеком и является выражением его социальной жизненной траектории.

П. Бурдьё связывает «габитус» со стилем жизни, который в едином ансамбле объединяет ментальные и физические предпочтения человека, когда он выбирает

те или иные схемы личных практик, восприятия и оценивания событий, набор лексических средств для коммуникации, классификации деятельности.

Через индивидов, включающихся в разнообразные виды деятельности, габитус обеспечивает воспроизводство социальных институтов: структура института вписывается во внутреннюю структуру индивида и впоследствии воспроизводится в будущих его практиках. В то же время габитус встраивает индивида в заданные социальные структуры, генерируя практики и представления таким образом, что индивиды оказываются априори адаптированными к изменяющимся социальным отношениям, продуктом которых они выступают.

Главная особенность габитуса заключается в том, что он является бессознательной структурой: это системы глубоко укорененных предпочтений индивидов, «забытых» им и оттого не рефлекслируемых: «Габитус – это история, ставшая природой и тем самым отрицаемая в качестве таковой» [1. С. 67].

Бессознательность габитуса определяется его телесностью; установки, предпочтения (или «диспозиции» по Бурдьё) вписаны в телесность и проявляются в индивидуальной манере поведения, привычке выбирать тот или иной сценарий общения, стили профессиональной деятельности.

Габитус, пишет П. Бурдьё, «...является бессознательным в том смысле, что его генезис включает в себя амнезию этого генезиса. Габитус является бессознательным и в том смысле, что вне сознания оказываются инкорпорированные ценности, ставшие телом, – вследствие трансубстанциональности, которую производит потаенная убедительность скрытого педагогического воздействия, способного внушить целую космологию, этику, метафизику, политику с помощью столь незначительных предписаний, как, например, «держись прямо» [1. С. 67].

Бурдьё говорит о том, что габитус способен порождать такие сложные формы поведения и телесного движения, которые, будучи приобретенными, обладают, тем не менее, всеми признаками инстинктивного или автоматического. Не содержит никакой рефлексии или расчета, они способны приводить к результатам, в большинстве случаев совпадающие с результатами, которые можно было бы получить с помощью рационального расчета. Успехи и достижения спорта подтверждают, что соответствующая упорная тренировка

способна у нормально развитого человека выработать автоматизм, который, если судить по его результатам, обладает всеми признаками осознанного действия и заставляет его делать «то, что нужно».

Бурдые задается вопросом, почему все общества придают такое большое внимание внешним, незначительным на первый взгляд, деталям поведения человека, как уход за собой, правила гигиены, манерам поведения, этикетным нормам, и отвечает: «это потому, что, рассматривая тело как память, общества доверяют ему...» [1. С. 65].

Габитус обеспечивает не только воспроизводство социального порядка, но и задает определенную его изменчивость, обнаруживающуюся в практиках индивида, поскольку детерминирует эти практики не непосредственно, но путем изначально заданных ограничений, представлений о возможном и невозможном, одобряемом или порицаемом. Любое социальное действие формируется на основании субъективного расчета и оценки объективных вероятностей, соизмерения желаемого и возможного.

Принципиальным моментом понимания габитуса является его целостность, невозможность его разложения на отдельные элементы, поскольку в нем выражается один общий стиль, проявляющийся во всех социальных практиках индивида и легко переносимый из одной сферы в другую, задавая их взаимную согласованность.

Габитус производится средой, следовательно, сходные социальные условия производят сходные габитусы людей, принадлежащих к одной социальной группе или классу. Таким образом, социальный класс – это класс схожих условий, а также класс индивидов, обладающих сходным габитусом. Из чего проистекает, что социальные практики членов группы изначально скоординированы сходством габитусов, выступающим основой их спонтанной солидарности.

Исходя из вышеизложенного, можно предположить, что спортивная деятельность, которая имеет непосредственным образом дело с человеческой телесностью как видом социальной практики, является не просто конгломератом обычаев, привычек и физических предпочтений, а выступает стилиевой характеристикой культуры, отражением габитуса в смысле Бурдые.

Так, например, Геннинг Эйхберг считает, что народы и социальные группы в своих спортивных играх отличаются не меньше, чем в своих языках, «шотландское толкание бревна, американский бейсбол, африканская гребля на каноэ, афганская бузгаши – эти формы практики столь же различаются, сколь и происхождение и место обитания народа» [2. С. 71].

В связи с этим французский педагог Пьер Парлеба, идеи которого приводит Г. Эйхберг, уверен в том, что спорт и игра должны пониматься плюралистично, как и язык, в них выражаются исторические и географические судьбы того или иного народа. Модели спортивного действия: его конфигурация, пространственная структура, временная заданность, отношения между участниками, образцы применения энергии, безусловно, различны в многочисленных видах национальных спортивных единоборствах (японская сумо, иранская борьба зурканех, пелота среди басков, кельтская гурен,

индонезийский пенчак-силат и пр.). Эти модели различаются не только от региона к региону, но и внутри отдельной культуры от группы к группе. В пределах одной культуры можно встретить, как отмечает Г. Эйхберг, различные подходы в отношении к спорту «наподобие того, как в одном языке существует несколько диалектов» [2. С. 74]. «Всякая культура в своем игровом аспекте оказывается более соревновательной или менее соревновательной, скорее быстрой или скорее медленной, индивидуалистической или коллективистской, особым образом справляющей церемонии, особым образом танцующей, медитативной или спонтанной, боевой или мирной, достигнуческой или же поощряющей только коллективный успех» [2. С. 73].

Несомненно эвристический интерес представляет собой исследование этнологических особенностей телесного поведения и спортивных практик, на которых настаивает, помимо Г. Эйхберга, французский педагог Пьер Палерба, предлагая термин «этнодвигательность» (ethnomotricite). Помимо выхода на решение специальных вопросов выяснения особенностей и характера спортивной деятельности, данное направление исследования может открыть новые горизонты понимания национального характера, ценностных ориентиров, исторических и географических судеб того или иного народа, выразившихся в формировании национальных видов спорта. Более того, принятие данного исследовательского направления позволит выйти за рамки исключительно теоретического осмысления спортивных практик в поле практической спортивной политики и избавиться от европоцентристских установок, в соответствии с которыми в современной конфигурации спорта доминирующее положение занимают европейские спортивные практики.

Значительное место анализ человеческого тела в плане его сопряженности с когнитивными процессами занимает в исследованиях одного из крупнейших феноменологов XX в. Мориса Мерло-Понти, чьи идеи, по-нашему мнению, перекликаются с идеями П. Бурдые.

Существуют телесные нити, считает М. Мерло-Понти, управляющие разумом. Психосоматические связи строятся по принципу нелинейной циклической причинности. Тело и душа, мозг и сознание находятся в отношении взаимной детерминации. Отстаивая единство духа и тела, Мерло-Понти отмечал, что дух «есть иная сторона тела. Он прочно внедрен в тело, поставлен в нем на якорь» [3. С. 316]. Мерло-Понти ввел представление о «телесных схемах» или «рисунках тела», которые задают, ограничивают, определяют конфигурацию и возможности сознания.

«Телесные схемы» – это особого рода жизненный стиль, который организует движения человеческого тела и определяет его взаимодействия с окружающим миром. Что тяготит заболевшего человека? Следуя Мерло-Понти можно ответить: не столько сами телесные недомогания, сколько необходимость отказаться от своего привычного образа жизни, ограничить свою активность, круг взаимодействия с другими людьми. Или, как говорит Мерло-Понти, необходимость менять «глобальный рисунок своего тела», т.е. на время или навсегда изменить свой жизненный стиль. Например, головная боль – это не просто боль в голове, но и отказ

от занятий запланированным делом, невозможность почитать книгу, посмотреть кинофильм. Болезнь воспринимается не как нарушение функционирования моего биологического тела, но как распад моего жизненного пространства, которое выходит у меня из-под контроля и который погружает меня в незнакомый мир. Особенно ярко это можно проиллюстрировать в случае с профессиональными спортсменами, когда они заканчивают спортивную карьеру. Совершенно понятно, что параметры жизни спортсменов определяются серьезными телесными испытаниями и нагрузками, а также сопровождаются яркими эмоциональными переживаниями. В новой послеспортивной жизненной ситуации спортсмену очень непросто воспроизводить привычный ранее жизненный стиль. Отныне его жизненный мир существенно отличается от прошлого как в отношении физических и психических нагрузок, так и в отношении жизненно-смысловых моментов. Бывший спортсмен оказывается в положении, в котором он лишен привычных ориентиров, привычного окружения, а также он оказывается перед проблемой коренного изменения «рисунка своего тела», перестройки всего мироощущения. Эта «работа» обретения нового «чувства тела» чрезвычайно трудна и проблематична в связи с тем, что по понятным причинам в самопереживании спортсмена чувство тела, его кондиций имеет первостепенное и акцентированное значение.

Фундаментальных работ, посвященных культурно-антропологическому анализу спортивных телесных практик, где исследовались бы трансформации телесности и проблемы зависимости когнитивных стилей от «схем тела», крайне недостаточно. Без подобного рода исследований спорт не получит должного осмысления как культурно-образного вида человеческой деятельности.

Эффективное выполнение двигательного действия требует от спортсмена совершенно определенного типа отношений с окружающим пространством. Если вести речь о спорте высших достижений, то очевидно, что в этой сфере мы имеем дело с чрезвычайно технически сложным движением, требующим длительных и упорных тренировок.

В чем суть отношений, в которые вступает спортсмен с окружающим его внешним миром?

Объективный мир, противопоставленный человеческому сознанию, выступает для него как чуждый, поскольку не может быть раз и навсегда учтен и требует постоянного приспособления, осуществляющегося «здесь и сейчас». Выполнить то или иное движение относительно предметов внешнего мира – значит соотносить свои возможности с условиями среды и качествами объекта, на который направлено движение. Любое человеческое движение всегда несет в себе «знание» этой соотношенности.

Плотность и враждебность внешнего мира определяются для человека той мерой его предсказуемости – непредсказуемости, прозрачности – непрозрачности, освоенности – неосвоенности, которая уточняется в ходе тренировок. Становясь «своим», внешний мир начинает терять свою плотность, растворяясь в субъекте. Близкий и освоенный мир внешних вещей постепенно начинает исчезать, человек перестает его замечать, слышать и ощущать упругость и плотность воды, тяжесть и плотность

собственного тела. Мы можем говорить, что в подобной ситуации спортсмен приобрел некий габитус, соответствующий его виду спорта, некое чувствознание, позволяющее уму распознавать, ощутить, просчитать необходимый вектор движения и действия. Посредством приобретенного габитуса стало возможно онтологическое соучастие внешней среды с телом спортсмена.

Наиболее четким критерием освоенности, сворачивания в устойчивый конструкт служит само «исчезновение» феномена, с которым человек начинает взаимодействовать, не испытывая никаких затруднений, практически не замечая его. Так, по мере освоения языка, человек научается им пользоваться совершенно бессознательно, затрудняясь даже рефлексировать лежащие в его основе правила. Язык, которым он овладел, оказывается как бы «проглоченным», и затруднения, с которыми иногда сталкивается человек, заключаются в том, что сказать, а не как это сделать. Пример с языком – частный случай таких растворов, которые можно продемонстрировать и в актах восприятия и в действиях с орудиями труда, которые в условиях достижения мастерства становятся продолжениями руки.

Культурная история человечества, история создания орудий труда, инструментов, метрических систем и технологий деятельности и прочего – это одновременно история формирования и человеческого тела, для которого открываются новые возможности. Инструмент лишь тогда становится орудием, когда он хорошо освоен и перестает существовать в качестве лишь объекта, на границе с которым действует субъект. Когда он, вписываясь в схему тела человека, транспонирует границу субъект-объектного членения к другому объекту, на который становится, направлена его активность. Пианист начинает не нажимать на клавиши, а играть музыку, художник – не рисовать линию, а писать картину, спортсмен, развив в результате тренировочного процесса навыки и технику движения, способен преодолевать закон всемирного тяготения и «зависать» над баскетбольным кольцом или волейбольной сеткой.

В спортивной педагогической литературе описаны особые переживания, знакомые профессиональному спортсмену. Это такие комплексные ощущения, как «чувство воды» у пловца, «чувство хода лодки» у гребца, «чувство мяча» у футболиста (баскетболиста, волейболиста и т.д.), «чувство снаряда» у гимнаста и др. Только при условии, что у спортсмена есть такого рода «чувства» и возможность опираться именно на них в процессе решения двигательных задач, становятся возможными спортивные победы и феноменальные спортивные достижения. Это значит, что упорные тренировки изменили схему тела, сформировали габитус в том смысле, что внешняя среда в ее наличном предметном составе стала восприниматься спортсменом «внутренне» – как продолжение его тела. Собственное же тело получило возможность переживаться как специфический эквивалент предмета, которым спортсмен способен, свободно организуя на данное тело определенные воздействия, манипулировать, находя «точки опоры» во внешней, по отношению к телу, среде.

Таким образом, объективный мир перестает быть внешним пространством, которое насильственным обра-

зом преодолевается, особым образом покоряется спортсменом; спортсмен и среда теперь, по сути дела, находятся в состоянии гармоничного сотрудничества, дополняют друг друга, создавая впечатление слитности.

Среда уже не выступает как нечто инородное субъекту действия, она становится реальностью, которая уже «предполагает» спортсмена и нуждается в нем.

В заключение стоит отметить: несмотря на то что спорт является важнейшим инструментом и областью расширения культурного потенциала общества, в нём могут быть актуализированы значительные, но очень разные части этого потенциала: физические и менталь-

ные способности человека, личностные нравственные качества (высокие и низкие), эстетические дарования. Потому направление исследования нужно вести в русле понимания того, каким образом реализуется посредством спорта тот потенциал культуры, который связан с процессом человекотворчества.

Определение человекообразности, предельных возможностей, которыми обладает человеческая телесность, является необходимой частью этого процесса, следовательно, важно прояснить, как спортивная деятельность может служить созиданию человека и человечества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шматко Н.А. «Габитус» в структуре социальной теории // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т. 1, № 2.
2. Эйхберг Г. Культура олимпийского и других движений: исключение, признание, праздник // Философия, политика и культура спорта // Логос. 2009. № 6 (73).
3. Merleau-Ponty M. Le Visible et L'Invisible. Paris, 1964.

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, политология» 13 апреля 2011 г.